

О КВАЗИРЕГУЛЯТОРАХ И КВАЗИРЕЖИМАХ

М. Г. Щербаков

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Поступила в редакцию 16 июля 2018 г.

Аннотация: анализируются квазирегуляторы и квазирежимы в аспекте субсидиарных правовых регуляторов. Раскрывается роль квазирегуляторов и квазирежима как элементов правовой системы, а также проводится анализ генезиса квазирегуляторов и квазирежимов в ходе правоприменительной практики. Выделяются основные правовые характеристики, позволяющие дифференцировать квазирегуляторы и квазирежимы как правовые явления. Автор прилагает собственное определение квазирежима, выделяет взаимосвязь объективного и ситуационного права разных правопорядков, отмечает эффект добровольной экстраполяции положений квазирежимов другими странами в ходе правоприменительной практики, делает вывод о правовой природе квазирежимов, как *de jure* не существующих правовых регуляторов, но *de facto* оказывающих правовое воздействие на общественные отношения посредством ситуационного права.

Ключевые слова: квазирегулятор, квазирежим, добровольная экстраполяция норм, ситуационное право, субсидиарный характер режима, серая зона права, мнимый характер, санкционная оговорка, процедура комплаенса.

Abstract: in the article the author analyzes quasi-regulators and quasi-regimes in the aspect of subsidiarity legal regulators. The author reveals the role of quasi-regulators and quasimode, as elements of the legal system, and also analyzes the genesis of quasi-regulators and quasi-regimes in the course of law enforcement practice. The author outlines the main legal characteristics that allow to differentiate quasiregulators and quasi-regimes, as legal phenomena. In the article the author applies his own definition of quasimode. In addition, the author identifies the relationship between the objective and situational law of different legal orders, as a mechanism of quasi-mode. The author notes the effect of voluntary extrapolation of the provisions of quasi-regimes by other countries in the course of law enforcement practice. In conclusion, the author makes a conclusion about the legal nature of quasi-regimes, as *de jure* of non-existent legal regulators, but *de facto* having a legal effect on public relations through situational law.

Key words: quasi-regulator, quasi-regime, voluntary extrapolation of norms, situational law, subsidiarity of the regime, gray zone of law, imaginary character, sanction clause, compliance procedure.

В настоящее время присутствует тенденция нарастания неопределенности во всех сферах общественных взаимодействий, которая обуславливает нестабильность правового регулирования.

Между тем нестабильность правового регулирования генерирует элементы хаоса в системе социального регулирования.

С одной стороны, нестабильность детерминирует рост объема законодательства и его усложнение, а с другой – привычные законодательные механизмы не успевают за ускоряющимися изменениями в объекте правового регулирования, что обуславливает возникновение в системе пробелов правового регулирования, которые являются предпосылкой для возникновения квазирегуляторов.

Квазирегуляторы, располагаясь на границе правового и неправового, осуществляют перманентную диффузию в «живую» ткань права.

Так, А. В. Демин отмечал, что истеричные апелляции позитивистского сознания к законодателю с призывом обеспечить тождество формальной определенности обречены на неудачу уже изначально, поскольку возможности законодателя предвидеть эволюцию социально-экономических явлений и зафиксировать их в предельно точных юридических нормах существенно ограничены. В этих условиях требуются новые подходы к системе социальной регламентации, к роли и значению относительно-определенных элементов в системе правового регулирования, к плюрализму источников и децентрализации правообразования и вовлечению в него широкого круга субъектов, к подключению дополнительных неправовых и квазиправовых критериев в оценке правомерности поведенческих актов¹.

Таким образом, плюрализм источников и критериев правомерности поведенческих актов позволит актуализировать категориальный аппарат системы права для более полного раскрытия его сущности.

Раскрытие сущности тех или иных правовых регуляторов имеет значение как для науки, так и для правоприменительной практики.

Так, правовые регуляторы как социальные явления в реальной жизни могут не совпадать по форме и содержанию с правоприменительной практикой, что порождает пробелы в праве (правовые коллизии), тем самым формируя «серую зону» правового регулирования.

Между тем, выделяя «серую зону» правового регулирования, мы раздвигаем границы бинарной теории права.

А. В. Демин указывал, что бинарная теория права страдает излишним схематизмом и упрощением, внешняя область права носит «размытый характер». Четкую разделительную границу между «правом» и «не правом» при условии отказа от крайних форм позитивизма – провести затруднительно, поскольку в «серой зоне» мы сталкиваемся с квазиправовыми явлениями, которые (пусть не *de jure*, но *de facto*) порождают важные правозначимые последствия².

Следовательно, «серая зона» права обуславливается мнимым характером правовых явлений (квазиявлений).

¹ См.: Демин А. В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления. М., 2013. С. 33.

² См.: Демин А. В. Общеправовой режим административного права : понятие и современные тенденции (тезисы) // Право и рынок : межвуз. сб. Барнаул, 1994. С. 97.

Квази... (от лат. *quasi* – якобы, как будто) – приставка, означающая: «мнимый», «ненастоящий» (напр., квазиученый), «почти», «близко»³.

Мнимость по отношению к правовым регуляторам является характеристикой, отражающей признак *de jure* не существующих правовых регуляторов, но *de facto* оказывающих правовое воздействие на общественные отношения.

В функциональном аспекте квазиявления (мнимые явления) сходны по своей роли (сущности) с реально существующими правовыми явлениями социальной действительности.

Следовательно, придание тому или иному правовому явлению приставки «квази», мы обозначаем мнимость того или иного правового явления, которая выражается в отсутствии его формального закрепления в объективном праве (например, квазидоговор, квазиделикт, квазигосударство, квазирегулятор).

Между тем отличительной чертой функции квазирегуляторов является их дополнительный (субсидиарный) характер.

Следовательно, субсидиарная роль и отсутствие установленной законом формы являются отличительными признаками квазирегуляторов.

В условиях правовой неопределенности именно правоприменительная практика во всем своем многообразии обуславливает открытый перечень правовых регуляторов, в том числе неустановленных системой права (квазирегуляторов).

Теория права, по мнению Е. Эрлиха, должна изучать право эмпирически, в связи с другими социальными явлениями. Исходная точка права лежит не в законах, а в самом обществе. Поэтому источник познания права – это в первую очередь изучение жизни и документов конкретного осуществления права (сделки, договоры, судебные решения и др.)⁴.

Следовательно, многочисленные фактические отношения во всех сферах общественной жизни постепенно складываются в правовые регуляторы, которые составляют «тело» права.

Например, каждое предприятие, каждая организация имеют свой порядок, свое право, которое они сами создают помимо государства.

С позиции социологической школы права функциональное предназначение права как социального регулятора связано с тем, что предписания закона только тогда становятся нормами права в действительности, в реалии, когда они фактически применяются, а также воздействуют на общественные отношения.

Как справедливо указывал Е. Эрлих, законодатель не создает новую норму, а лишь обнаруживает, фиксирует ее после того, как она сложилась на практике⁵.

Так, по мнению А. В. Погодина, появление новой общественно значимой практики означает появление новой правореализационной практики.

³ См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1997. С. 98.

⁴ См.: *Эрлих Е.* Основы социологии права. М., 1988. С. 304.

⁵ См.: *Ehrlich E.* *Freie Rechtsfindung und freie Rechtswissenschaft.* Berlin, 1967. S. 127.

Следовательно, реальная правоприменительная практика (система практик) является определяющим фактором (предпосылкой) возникновения квазирегуляторов.

Вместе с тем корреляция правоприменительной практики с квазирежимом, является результатом индивидуального правового регулирования (ситуационного права).

Как было отмечено А. В. Погодиным, результатом индивидуального правового регулирования является ситуационное право, которое возникает ситуационно в рамках конкретного правоотношения или при определенных условиях вне конкретного правоотношения⁶.

Так, А. В. Михайлов указывал, что изучая правовые регуляторы, нельзя не упомянуть о тех правовых явлениях, которые не могут объективно рассматриваться как регуляторы, но близки к ним по своей роли. Прежде всего, речь идет о правовой доктрине и концепциях развития какой-либо отрасли законодательства. Можно условно называть эти документы квазирегуляторами⁷.

Таким образом, квазирегуляторы по отношению к объективным нормам носят дополнительный (субсидиарный) характер, обусловленный правореализационной практикой.

Квазирегуляторы и правовые регуляторы могут взаимодействовать друг с другом как элементы особого порядка правового регулирования (правового режима).

Так, правовой режим является многоуровневым правовым явлением, обусловленным многомерностью правового пространства.

В рамках того или иного правового режима фактически определяется значимость объекта с учетом его особенностей и характеристик, а также придается особый статус конкретной ситуации.

По мнению С. С. Алексеева, правовой режим – это проявление нормативности права, но на более высоком уровне⁸. Совокупность квазирегуляторов может образовывать квазирежим.

Таким образом, квазирежим является схожей правовому режиму правовой конструкцией, поэтому его необходимо коррелировать с признаками правового режима.

В правовой доктрине правовой режим понимается как единая система правовых методов, установленных законодательством и обеспеченных государством, имеющих целью специфическим образом регламентировать конкретные области общественных отношений, выделяя во временных и пространственных границах те или иные субъекты и объекты права, представляющих собой особый порядок правового регулирования, состоящий из совокупности средств и характеризующийся определенным их

⁶ См.: *Погодин А. В.* Ситуационное право и общерегулятивное правоотношение в правореализации // *Юридический мир.* 2013. № 2. С. 78.

⁷ См.: *Михайлов А. В.* Методы правового регулирования предпринимательской деятельности // *Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права / под ред. В. Ф. Попондопуло.* 2011. № 5. С. 33.

⁸ См.: *Алексеев С. С.* Общая теория права. М., 2009. С. 207.

сочетанием, а также создающих конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права в ходе правореализации.

Так, известный российский правовед С. С. Алексеев дал следующее определение правовому режиму – это комплекс социальных взаимосвязей (общественных отношений) некоторого объекта или вида деятельности, закрепленный юридическими нормами и обеспеченный совокупностью юридико-организационных средств⁹.

По мнению А. В. Малько, правовым режимам присущи следующие основные признаки:

1. Они устанавливаются законодательством и обеспечиваются государством.

2. Имеют целью специфическим образом регламентировать конкретные области общественных отношений, выделяя во временных и пространственных границах те или иные субъекты и объекты права.

3. Представляют собой особый порядок правового регулирования, состоящий из совокупности средств и характеризующийся определенным их сочетанием.

4. Создают конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права¹⁰.

Таким образом, указанные признаки правового режима являются необходимыми и достаточными для дифференциации такого правового явления, как правовой режим.

Следовательно, сущность квазирежима, обусловлена мнимым характером такого его признака, как законодательное установление и обеспечение государством.

Между тем квазирежим имеет фактическую возможность опосредованно оказывать воздействие на общественные отношения. Например, режим экономических санкций, установленный США в отношении Российской Федерации имеет признаки квазирежима.

Так, в связи с принятием Соединенными Штатами Акта о противодействии оппонентам Америки посредством санкций от 2 августа 2017 г. № 115-44 (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act)¹¹ был установлен режим ограничения на оборот некоторых видов товаров с Российской Федерацией (режим экономических санкций), который оказал влияние на внешнеэкономическую деятельность России.

Таким образом, в рамках квазирежима экономических санкций, установленных США в отношении России, можно наблюдать некий эффект перехода объективного права США в ситуационное право России, которое возникает в рамках конкретного правоотношения или при опреде-

⁹ См.: Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 213.

¹⁰ См.: Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М., 2002. С. 159.

¹¹ URL: <http://www.congress.gov> (дата обращения: 21.04.2018).

ленных условиях вне конкретного правоотношения, в том числе, например, в виде специальных оговорок во внешнеэкономических контрактах (процедуры комплаенса).

Поскольку российское законодательство не запрещает коммерческим организациям самостоятельно определять случаи изменения и расторжения договоров, с введением санкций в договорах все чаще стали появляться условия, что изменения в законодательном регулировании, в том числе введение «санкций», является основанием для пересмотра условий или для расторжения договора.

Таким образом, в договорах между российскими и иностранными лицами стали появляться санкционные оговорки, устанавливающие правовые последствия для обеих сторон в случае влияния санкций на договорные обязательства.

Например, в договорах поставки стали появляться пункты, в соответствии с которыми поставщик не будет ответствен за нарушение сроков поставки, прямо или косвенно вызванных санкциями, введенными Российской Федерацией или против нее¹².

В связи с этим иностранные контрагенты очень часто стали требовать от российских лиц предоставления всевозможных гарантий, обеспечивающих соблюдение санкционных ограничений иностранными лицами и защиту данных лиц от ответственности и убытков в связи с возможным нарушением санкций.

Необходимо отметить тот факт, что в правоприменительной практике имеет место добровольная экстраполяция квазирежимов на систему практик других стран, в том числе в формах негативных и случайно возникших сложных полиструктур, которые представляют собой ситуационное право, действующее как диалектическая связь объективного права одного правопорядка и ситуационного права другого правопорядка.

Следует также отметить, что ситуационное право, которым субъекты доурегулируют ситуацию, обусловлено спонтанными факторами.

Так, А. В. Погодин указал, что в каждой практике организовано или спонтанно возникают позитивные и негативные, закономерные и случайные, простые и сложные социальные моноструктуры, полиструктуры, их комплексы¹³.

Следовательно, квазирежимы оказывают влияние на правоотношения (систему практик) на ситуационно-индивидуальном уровне путем видоизменения системы практик, в том числе в правопорядках других стран.

Можно сделать вывод, что применительно к конкретной ситуации квазирежимы видоизменяют правоприменительную практику путем трансформации ситуационного права.

---

¹² URL: rg.ru/2015/05/27/kontrakti.html (дата обращения: 17.06.2018).

¹³ См.: Погодин А. В. Элементы теории правореализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2014. С. 35.

Как указывал А. В. Погодин, в современном динамично изменяющемся социуме постоянно появляются новые, в том числе инициированные государством общественно значимые практики, а многообразные традиционные практики видоизменяются:

- 1) постепенно развиваются;
- 2) средне или даже высоко динамично обновляются в ходе модернизации;
- 3) уменьшаются в объеме и прекращают свое существование в качестве общественно значимой практики¹⁴.

Необходимо отметить, что в условиях процесса глобализации, обусловленной сближением правопорядков, возникают и расширяются функциональные взаимосвязи между практиками различных государств, которые посредством ситуационного права, обуславливают формирование квазирежимов.

Следовательно, взаимодействие системы практик в определенных случаях приводит к возникновению определенных квазирежимов как комплексов социальных взаимосвязей (общественных отношений) некоторого объекта или вида деятельности, официально незакрепленного в юридических нормах и необеспеченных совокупностью юридико-организационных средств, но оказывающих опосредованное правовое воздействие на общественные отношения в ходе правоприменительной практики, в том числе в разных правопорядках.

Важной особенностью квазирежимов является появление специфического механизма, выраженного в создании определенной взаимосвязи между объективным правом одного правопорядка и ситуационным правом другого правопорядка.

При этом данную специфическую связь, которая обусловлена экстраполяцией действия правовых регуляторов одного правопорядка на общественные отношения другого правопорядка посредством ситуационного права, можно сравнить по аналогии с мостом Эйнштейна – Розена в физике¹⁵, в виде особых самообразующихся юридических каналов («правовых червоточин»).

Как справедливо отметил А. В. Погодин, указав, что надо различать, но никак не разделять, тем более противопоставлять функционально взаимосвязанные, во-первых, формальный режим де-юре, т. е. нормативную модель-идеал или статическую структуру режима в виде подсистемы норм объективного права (государственное право); это режим, который может и должен быть в той или иной регулируемой практике; во-вторых, реальный режим де-факто, т. е. конкретную практику или динамическую структуру реализации этих норм субъектом управления в конкретных социокультурных условиях¹⁶.

---

¹⁴ См.: Погодин А. В. Элементы теории правореализации : автореф. ... С. 24.

¹⁵ См.: Стивен Хокинг. Мир в ореховой скорлупке. СПб., 2013. С. 82.

¹⁶ См.: Погодин А. В. Элементы теории правореализации : автореф. ... С. 31.

Следовательно, правовые режимы и квазирежимы имеют тесную взаимосвязь, которая выражается в их общей правовой природе (содержании), в качестве социальных регуляторов функционально дополняющих друг друга.

Так, А. В. Погодин указывал, что в каждой практике режим имеет свое специфическое социально-правовое содержание. Между ними, как любым идеалом – статической структурой и реальностью – динамической структурой, есть расхождения, несовпадения, противоречия и даже конфронтация. Тем не менее они взаимозависимы, а в стабильном правовом гражданском обществе и социально-правовом государстве дополняют друг друга, не могут существовать отдельно друг от друга, но при этом как любой идеал и реальность не совпадают по объему и имеют функционально допустимые различия.

С точки зрения Н. И. Матузова и А. В. Малько, правовой режим сам является разновидностью правового состояния, но не всякое правовое состояние есть правовой режим¹⁷.

Вместе с тем если рассматривать квазирежимы в синергетическом аспекте как открытую нелинейную систему, способную к саморазвитию, то необходимо выделить появление новых существенных характеристик.

По мнению В. С. Степина, саморазвивающиеся системы имеют следующие характеристики: способность усложнения, управляющая роль нового уровня, переход от одного типа саморегуляции к другому через фазовый переход, изменение системных параметров, возникновение новых подсистем и их связей, допустимость нескольких сценариев развития, изменение вероятностных мер, изменение качества системы, проявление процесса как элемента становления, появление целевой причинности, изменение внутреннего пространства и времени в процессе фазового перехода¹⁸.

Следовательно, квазирежимы в процессе саморазвития отличаются открытым и нелинейным характером, связанным с обменом информацией с внешней средой, а также способностью фазового перехода в точках бифуркации в состоянии динамического хаоса.

Так, неспособность международных правовых режимов эффективно удовлетворить требования правоприменительной практики, на примере режима экономических санкций, детерминирует появление состояния динамического хаоса, который, достигая точки бифуркации в процессе фазового перехода, усложняет систему регулирования путем формирования квазирежима как мнимого явления, не установленного объективным правом.

Квазирежим как система имеет другой тип саморегуляции, в том числе с помощью ситуативного права (договора), который обусловлен изменением качественных системных параметров.

---

¹⁷ См.: Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. С. 78.

¹⁸ См.: Степин В. С. Философия науки. Общие проблемы М., 2008. С. 41.

Таким образом, квазирежим как система нового уровня проявляет новые качественные характеристики по отношению к «обычному» правовому режиму.

Так, отсутствие такого обязательного системного признака правового режима, как установление и обеспечение государством, не является определяющим для функционирования системы, а компенсируется механизмами ситуационного права.

В связи с этим возникает вопрос о двойственной природе квазирежимов как переходной стадии правового регулирования между режимами, а также нового самостоятельного управляющего уровня правового регулирования по отношению к его подсистемам.

Таким образом, можно выделить следующие характеристики квазирежима:

1. Устанавливается посредством ситуационного права.
2. Носит вероятностный характер возникновения.
3. Имеет субсидиарный характер правового регулирования.
4. Представляет собой новый тип саморегуляции правовой системы.
5. Выполняет управляющую роль как системы нового уровня в процессе трансформации правовых режимов, которые утратили стабильность.

Итак, квазирежим – это разновидность формально мнимого социального самоорганизующегося системного явления, оказывающего субсидиарное правовое воздействие на общественные отношения посредством ситуационного права, генерируя новый тип правовой саморегуляции.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

*Щербаков М. Г., аспирант кафедры
предпринимательского права*

E-mail: pravovednalog777@mail.ru

Kazan (Volga Region) Federal University

Shcherbakov M. G., Post-graduate Student of the Entrepreneurial Law Department

E-mail: pravovednalog777@mail.ru